

*С.В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент,
БГУ, г. Минск
cherbourg@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ

Актуальность патриотического воспитания предопределена необходимостью формирования ценностно-смыслового отношения к своему народу, стране и государству, подразумевающего развитие спектра эмоций, чувств и действий – уважение, ответственность, гордость, долг, готовность их защищать. Особую роль в этом процессе играет историческая память, которая составляет мировоззренческие, концептуальные и доктринальные первоосновы в формировании патриотизма. Поэтому цель статьи – раскрыть значение исторической памяти в патриотическом воспитании.

Патриотическое воспитание подразумевает формирование общественно значимых ориентиров личности на основе знания истории, культуры и традиций своего народа и государства. Это можно подтвердить двумя аргументами. Во-первых, вопросы патриотической самоидентификации неотделимы от исторической памяти, поскольку, как утверждал А. Макинтайр, история жизни человека «всегда воплощена в историю тех сообществ», из которых он заимствует свою идентичность [1, с. 298]. Во-вторых, историческая память должна существовать в формах индивидуальной и коллективной памяти, так как в современности нет ничего, что не уходило бы своими корнями в прошлое.

Раскрыть значение исторической памяти в патриотическом воспитании, – это, прежде всего, взглянуть на нее с точки зрения логической семантики: что означает она как память и что означает для памяти предикат «быть исторической». Историческая память – это рассудительная память, которую, по И. Канту, следует отличать от механической и изобретательной памяти. Рассудительная память опирается не на значения слов, а на топику, или смысл, раскрываемый сообразно занимаемому месту. Любые воспоминания, основанные на топике, или общих местах, подразумевают наличие смысловых связей в какой-либо целостности, исторические – подразумевают наличие таких связей в обществе. В частности, патриотизм при таком подходе представляет собой, во-первых, включенность в историю народа и государственности, во-вторых, свободный выбор национальной принадлежности на основе этой включенности, в-третьих, следующую за этим выбором активизацию личности в социально-действенном направлении. Поэтому топику можно рассматривать как память, которая закреплена в истории и исторических свершениях, в философских и других произведениях, а изучение студентами, например, истории белорусской философии [2] считать эффективной формой патриотического воспитания, приобщающей студентов к интеллектуальной национальной истории [3].

«Быть исторической» для памяти означает иметь отношение к социальному пространству и времени. Историческая память, составляя условие дифференциации общественного бытия, репрезентирует социальное время, выражая длительность существования и последовательность возникавших в ходе деятельности людей изменений. Социальное время привязано к абсолютному или относительному пространству, территориальными единицами которого являются географические, политические, образовательные или иные места, например, государства, города, деревни, школы, университеты [4; 5]. Совокупности подобных мест составляют факторы территориальной идентичности, в которой социальное время в одном ракурсе опосредует физическое, биологическое и психологическое время, в другом – опосредовано ими. Поэтому историческая память направлена на уравнивание, с одной стороны, социального времени и пространства как источника внешних обстоятельств и событийности, с другой – человека и

человеческих сообществ, находящихся не просто в потоке времени, а пребывающих в динамике социальных процессов.

Историческая память как образ времени и пространства являет собой синтез, с одной стороны, представлений о прошлом, настоящем и будущем, с другой – территориально-географических образов. Они напрямую связаны с национально-государственной идентичностью и становлением государственности, так как поддерживают воспоминания в системе смысловых связей, образующих историческую целостность. Уместно вспомнить мысль А. Макинтайра о том, что «историческая идентичность и социальная идентичность совпадают» [1, с. 298], значит, нежелание помнить нарушает данную тождественность.

Патриотическое воспитание в цифровом мире осложняется гетеротопиями – существованием людей в разных социальных пространствах, несмотря на их жизнь на одной территории, вследствие разных историй перемещений и длительности этих историй. Поэтому историческое прошлое в ракурсе гетеротопии предстает как смешение географических территорий и социально конструируемых пространств, что препятствует различимости условий формирования территориальной и пространственной идентичности. Территориальная идентичность формируется в абсолютном пространстве на основе сходства с социальной общностью («Мы»). Пространственная идентичность предопределена не свойствами мест, а положением в пространстве, или системой связей и отношений относительно других объектов. Парадоксы в соотношении этих идентичностей проявляются, например, в том, что близость в абсолютном пространстве оборачивается дальностью в относительном пространстве и наоборот, когда, например, свое становится чужим, а чужое – своим [6, с. 71]. Поэтому в корреляции территориальной и пространственной идентичности особая роль отводится местам памяти [7, с. 18].

Историческая память как условие национально-государственной идентичности лежит в основе модели самоидентификации «мы» в отношении «других» [8, с. 23]. В.В. Титов дифференцирует образ «мы», различая в нем три компонента: «мы» как народ, как страна (территория) и как государство-субъект в политическом пространстве. Поэтому задача государственных институтов заключается в поддержании внутреннего баланса образа «мы», для чего недопустимо, «чтобы “народ”, “страна” и “государство” вступали в противоречие между собой, провоцируя тем самым смысловой диссонанс и масштабный кризис идентичности» [8, с. 26].

Причины таких диссонансов и кризисов обусловлены дискретностью пространственно-временного континуума памяти, поддерживающей многообразие гетеротопий как пространств, в которых неразличимы свое и чужое, и гетерохроний, означающих неравномерности роста и развития во времени. Их рекомбинации выступают источником разрывов, которые принимают разные формы, например, социальные, культурные, психологические разрывы между поколениями. П. Рикёр подчеркнул, что, с одной стороны, «формирование социальных связей всегда сопровождается формированием идентичностей» [9, с. с. 127], с другой, – проблемы самоидентификации обусловлены атомарностью общества, при котором сложно достижимой оказывается «собрание поколений и примирение традиций и проектов» [10, р. 153].

Значение исторической памяти в патриотическом воспитании определяется двумя ее диахроническими свойствами – быть ограничителем настоящего и условием будущего, которые позволяют образовывать социально-культурные синхронические рамки в настоящем. Первое свойство заключается в том, что историческая память направлена на ограничение настоящего с его всегда открытыми смыслами, второе – в символическом закреплении воспоминаний для будущего. В результате открываются перспективы будущего на основе прошлого опыта, предотвращая тем самым нарушение связности времен или разрывы во времени. Сам процесс патриотического воспитания необходимо организовывать в контексте имманентности времен, показывая, что настоящее становится возможным благодаря действующим причинам прошлого, которое

существует в настоящем субъективно вследствие зависимости от исторической памяти. Будущее имманентно настоящему, так как оно существует в нем, т.е. сущность настоящего заключает в себе необходимые условия будущих актуальных событий.

Таким образом, значение исторической памяти в патриотическом воспитании студентов заключается в организации социальных взаимодействий в пространстве и времени на основе общего прошлого как условия социальной идентичности и единства общества.

Список использованных источников:

1. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр. – М.: Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 384 с.
2. Анталогія філасофскай думкі Беларусі: дапаможнік: у 3 т. / склад.: А.А. Лягчылін [і інш.]; пад рэд. А.А. Лягчыліна, А.Ю. Дудчыка. – Мінск : БДУ, 2021. – Т. 2, ч. 1. – 223 с.
3. Легчилин, А.А. Историография национального интеллектуализма (к 100-летию БГУ) / А.А. Легчилин, С.В. Воробьева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 3. – С. 12–20.
4. Калачёва, И.И. Город как место сохранения и трансляции культурной памяти белорусского народа / И. И. Калачёва // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2021 г. – Минск, 2021. – С. 134–140.
5. Гигин, В.Ф. Университет как элемент формирования исторической памяти / В.Ф. Гигин // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания : материалы республиканской науч.-практ. конференции, приуроченной к 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 14 октября 2021 г. – Минск, 2021. – С. 71–75.
6. Воробьева, С.В. Ментальные карты города в контексте прагма-диалектики: утопии и гетеротопии / С.В. Воробьева // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2021 г. – Минск, 2021. – С. 67–73.
7. Окунев, И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий / И.Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 18–25.
8. Титов, В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В.В. Титов. – М. : Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
9. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
10. Ricœur, P. La critique et la conviction / P. Ricœur. – Paris : Calmann-Lévy, 1995. – 288 p.

*Е.И. Жук, магистр философских наук,
Институт философии НАН Беларуси, г. Минск
zhukkatsiarynaifnan@gmail.com*

ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ Х.-Г. ГАДАМЕРА

Поиски основ и механизмов обеспечения культурной преемственности – это, прежде всего, поиски общего основания, на котором может выстраиваться понимание, общественное согласие и чувство сопричастности конкретной культурной идентичности. Необходимость такого поиска